

На его висках выступили капли пота, а очки в тонкой черной оправе на переносице слегка перекошились. Я улыбнулся ему в ответ. Перекрывая шум толпы, он громко спросил, всё ли в порядке у меня дома. Тревога на его лице рассеялась, сменившись мальчишеской улыбкой. Всё-таки он еще совсем ребенок. А ведь моя улыбка изначально несла иной смысл. Порой она действительно бывает притворной. Например, сейчас — она вовсе не означала радость. На самом деле я был словно онемевший. А онемевший человек не должен выражать никаких эмоций. Не знаю, когда именно, но я научился улыбаться. А Вэнь — ребенок, он этому не научился. Он улыбался, потому что его сердце действительно успокоилось.

Он наконец подошел ко мне вплотную и заметил черную шелковую повязку на моем рукаве. Его улыбка тут же угасла. Он протянул руку и крепко сжал мое предплечье. Казалось, он хотел что-то сказать, но не знал, с чего начать. Я собирался улыбаться дальше, но от его крепкой хватки улыбка застыла — я внезапно утратил способность улыбаться. Хуже того, зрение вдруг стало расплывчатым. Неужели я разучился даже сдерживать слезы? Глаза уже были на мокром месте. А он смотрел на меня так пронзительно, словно хотел расплавить! Я внезапно осознал, как сильно мне хочется снова прижаться лицом к его щеке! Казалось, только так можно скрыть слезы, готовые хлынуть наружу. Или пусть они текут — бурной рекой по моим щекам, на его плечи. Но нельзя. Ведь я дал себе слово выбросить дневник А Ланя. Я больше не могу забывать наказ отца. Он говорил мне: выпуститься, обзавестись семьей. И я вновь обрел мужество, вновь вернул себе способность улыбаться и сдерживать слезы.

Я улыбнулся и сказал А Вэню:

— Спасибо, что приехал встретить. Пойдем!

И в тот самый момент, когда он отвернулся, крупная слеза все же сорвалась с моих глаз. Она тяжело упала на гладкий пол аэропорта, прямо у ног А Вэня, и разбилась. Он резко обернулся и посмотрел на меня. Я же продолжал улыбаться. Я не всхлипывал. Мое лицо должно было выглядеть естественным. И все же глаза А Вэня тоже слегка покраснели. Я изо всех сил сдерживал свои руки. Мне нельзя было обнимать его: если бы я сейчас обнял его, то, наверное, вжал бы в себя так сильно, что мы никогда не смогли бы разделиться. Наконец я взял себя в руки и поспешно отвел взгляд.

Мы плечом к плечу направились к многоуровневой парковке. Больше мы не смотрелись друг другу в глаза. Старая Тойота восемьдесят четвертого года, надрывно рыча, снова помчалась по шоссе. Сквозь шум двигателя пробивались ленивые звуки песни, обрываясь и вновь возобновляясь. Я не разбирал слов, слышал лишь: ...брови твои разгладились, поэтому я улыбнулся, глаза твои покраснели, и небо мое посерело...

А Вэнь наконец заговорил:

— Брат Дун, я уезжаю из Энн-Арбора.

Я был удивлен. Повернул к нему голову, забыв, что всё это время избегал смотреть на него.

— Почему? Ты возвращаешься на Тайвань?

— Нет. Я перевожусь в Лос-Анджелес.

Он крепко сжимал руль, неотрывно и сосредоточенно глядя вперед.

— Почему?

— Один профессор из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе заинтересовался моим проектом, он готов его финансировать.

— Но ты же говорил, что получил полную стипендию? Неужели... это стипендия в Калифорнии? Не в Мичиганском университете?

Мой голос внезапно охрип. Я попытался прочистить горло, но звуки стали выходить еще труднее.

— Да!

— Но...

Я хотел сказать: но почему ты не рассказал мне об этом в тот вечер... но так и не произнес этого. В ту ночь на темном шоссе мы обнимались. Я знал лишь, что он рассердился, когда я тайком починил его машину, но не догадывался, что его сердце и так было в смятении.

— Когда ты уезжаешь?

— В следующий понедельник, послезавтра.

Я вдруг вспомнил о выходе из числа коренных народов, ставшем профессором в Синьчжуском университете Цинхуа. Устроили ли студенты с Тайваня в лаборатории профессора Ло прощальную вечеринку для А Вэня? Напился ли он там? Вспомнил ли он, когда пьяный, ленивой походкой возвращался в общежитие под лунным светом, ту историю о стране лилипутов, которую я ему рассказывал? Он наконец уходит, уезжает в солнечную Калифорнию. Я тоже обещал отцу выпуститься и обзавестись семьей. Действительно, пора расставаться. Впрочем, можно ли это назвать расставанием? Мы всего лишь знакомые однокурсники. Он с Тайваня, я из материкового Китая. Мы изначально были разными и в будущем останемся такими же.

Я смотрел в окно. Машина проезжала по длинному мосту через реку Гурон. Река была такой широкой, извиваясь, она уходила к самому горизонту.

— Давай остановимся, посидим немного у реки? — тихо сказал я.

Он не ответил. Наверное, мой голос был слишком тихим, и он не расслышал. А может, я и вовсе ничего не сказал. Эти слова лишь мелькнули в сердце, не сорвавшись с губ. Я не помню. Моя память всегда была ненадежной. Машина неслась быстро, намного превышая скоростной лимит. Но он вел так сосредоточенно, что, думаю, никакой опасности не было. Хотя река была

широкой, она тут же скрылась из виду.

Песня снова просочилась в уши: ...розы расцвели, чего же я еще хочу? Несбыточное, недоступное... как редко встречается то, что дано небесами, радость, гнев и печаль... позволь мне повторить твой путь...

С тех пор как А Вэнь уехал в Лос-Анджелес, прошел почти месяц. Перед отъездом он хотел отдать мне ту старую Тойоту. Я упорно отказывался. В конце концов он согласился продать её мне, но взял только пятьсот долларов, ни центом больше. Я сказал, что это слишком дешево, а он ответил: если приплюсовать те пятьсот долларов, что я потратил на ремонт, выходит тысяча, так что вовсе не дешево. Тут я вспомнил, что он давал мне чек на пятьсот долларов, который я так и не обналичил, и теперь уже не помню, куда его дел. Хотя он и продал мне машину, он вывернул карманы наизнанку и еще занял мне восемьсот долларов, чтобы я погасил долг в одну тысячу девятьсот долларов по кредитной карте, образовавшийся из-за покупки билетов. Выходило, что я должен ему тысячу триста долларов. Я всё больше и больше влезал в долги перед ним.

К счастью, я по-прежнему работал в лаборатории Стива, а мои обязанности репетитора становились всё объемнее — родители Санни порекомендовали меня другим семьям, и с понедельника по пятницу я был занят почти по три часа в день. Мой ежемесячный доход наконец стал четырехзначным. Возможно, я был действительно очень занят — настолько, что у меня не нашлось времени поехать в аэропорт проводить А Вэня. Впрочем, многие его тайваньские друзья поехали его провожать, так что мне, казалось, и незачем было туда ехать. Через месяц я смогу вернуть А Вэню деньги. Я собирался выписать чек на тысячу пятьсот долларов и отправить его. Двести долларов сверху — в качестве дополнительной благодарности. Но в глубине души я беспокоился: если он не обналичит чек, что мне делать?

После того как он уехал, мы созванивались лишь однажды. Было десять вечера, я сидел в своей «норе». Он спросил, почему меня вечно нет дома. Я рассмеялся в ответ: неужели ты еще не изучил мои привычки? Разве раньше я проводил много времени, забившись в эту темную конуру? Он тоже рассмеялся. Сказал: — Ты что, крыса, что живешь в норе? — Я ответил: — Я крот, а не крыса. У меня плохое зрение. — Он рассмеялся еще звонче. Я будто видел его улыбку — как у шестнадцати-семнадцатилетнего подростка. Мы попрощались в этой приятной атмосфере.

Я думал, что, положив трубку, он останется за две тысячи миль от меня и между нами не будет ничего общего. Но в ту ночь мне приснился Хуэй в той молочно-белой рубашке и черных брюках из Китайского корпуса. Еще больше меня встревожило то, что во сне мы обнимались в ночной тени. Я даже чувствовал жар его щек — необычайно реально. Однако его лицо было размыто, в тумане я видел лишь знакомую, но в то же время чужую улыбку — улыбку шестнадцати-семнадцатилетнего подростка. Я был раздосадован своим сном.

К счастью, теперь всё было иначе: у меня была собственная машина, и я больше не боялся возвращаться домой пешком глубокой ночью. Поэтому я стал задерживаться до рассвета и отключал автоответчик. Я думал, А Вэнь ни за что не позвонит мне так поздно. Он всегда был таким внимательным и деликатным: побоялся бы разбудить хозяйку дома, а еще больше — разбудить меня. Я оказался таким эгоистичным и подлым. Я использовал деликатность А Вэня

и оставленную им машину как инструмент, чтобы спрятаться от него. Возможно, иногда — как по отношению к другим, так и к себе — невозможно избежать подлости.

Я даже подумывал выбросить дневник А Ланя. Долго держал его в руках, колеблясь, но в итоге всё же спрятал на самое дно чемодана. В конце концов, Вэй и Цзяхуэй уже поженились. А Вэнь уехал в далекий Лос-Анджелес. Что еще могло меня беспокоить? Потрепанный незаконченный дневник? Если спрятать его на дне ящика, неужели он выпрыгнет оттуда в полночной тишине и начнет творить беды? Не переоцениваю ли я себя? Или недооцениваю этот дневник? Надеюсь, нет. И все же время от времени я вспоминал слова Вэя — о том, что теперь мы сможем часто видеться. Мне не следовало вспоминать об этом. Моя память всё равно не поддается исправлению. Столько лет я позволял ей распоряжаться собой как угодно. Но ведь в ту неделю в Пекине я в итоге не пошел в парк Цзичжунюань? И в храм Спящего Будды тоже? В день отъезда, сидя в мчащемся такси, я закрыл лицо руками — разве я не пропустил в итоге даже древнюю Пекинскую обсерваторию? Чего мне, в конце концов, еще бояться? Моя жизнь наконец должна была войти в нормальное русло. Я намеренно затягивал возвращение домой, полагая, что больше никогда не получу звонков от А Вэня. Еще удачнее то, что А Вэнь не звонил в лабораторию Стива. Может, он не хотел, чтобы Стив знал, что мы продолжаем общаться.

Но разве Стив обратил бы на это внимание? Он по-прежнему изо дня в день добросовестно выполнял свою работу. Его брови всё так же были слегка сдвинуты, да и к тому же он никогда не отличался болтливостью. Он не спрашивал, почему я брал неделю отпуска, и не интересовался, что означает черная повязка на моем рукаве. Думаю, мне придется признать, что молчание Стива порой всё еще вызывало во мне любопытство. Мне не следовало проявлять к нему интерес. Но время в лаборатории всегда тянулось особенно скучно. Незаметно для себя я начал тайком наблюдать за ним. Возможно, дело было в этой душной ранней осени, которая, в отличие от летнего зноя, не высасывала из меня всю энергию. Капля прохладного осеннего ветра, подобно катализатору, порой разжигала во мне внутренний порыв. И чем сильнее я пытался забыть дневник А Ланя, тем неистовее становился этот порыв. Но разве можно не выполнить то, что обещал отцу? К счастью, я был уверен, что наблюдать за Стивом безопасно. Я был уверен, что интроверт. А интроверт вроде меня не может сблизиться с «чужаками». Американцы по сравнению с тайваньцами, конечно, куда более настоящие чужаки. К тому же такая осень бывает раз в жизни. И такие годы — надеюсь, тоже. Когда пройдет эта осень, когда пройдет этот год, я, возможно, смогу окончательно забыть дневник А Ланя.

Я перестал сдерживаться. Раз наблюдение безопасно, я стал наблюдать смелее. Я всё больше убеждался, что причина — в погоде. Осенний ветер крепчал день ото дня, а мои случайные порывы становились всё чаще. Похолодало, и Стив стал носить серые джинсы. На бедрах и ягодицах они немного потерлись, побелели. Может, от частых стирок, а может, такими и были. Он действительно не походил на большинство американцев, которых я встречал. Если судить хотя бы по телосложению — он был выше многих: высокий и крепкий, но на животе ни капли лишнего жира. Я стал наблюдать за ним еще внимательнее. Его мимика, его манеры. Его молчание. Он каждый день уходил из лаборатории ровно по расписанию. Перед уходом он всё так же тщательно причесывал свои каштановые волосы. На самом деле он лишь слегка поправлял рукой непослушную прядь у лба перед стеклянной дверью. Движение было коротким, но в тот момент его лицо было очень сосредоточенным. Цвет его волос был идеальным. Я не люблю золотистые волосы, всегда считал, что у мужчины должны быть темные. Его волосы были прямыми и мягкими, часто невзначай спадали на лоб, отражая мягкий свет в лучах послеобеденного солнца.

Я ни разу не видел его девушку. Как у такого здорового и спокойного парня может не быть девушки? Должно быть, есть, просто я не видел. Его девушка, наверное, сильно его любит. А он? Любит ли он её в ответ? Должно быть, да. Когда он поправлял волосы перед стеклянной дверью, он был так сосредоточен, словно его день по-настоящему начинался именно в этот момент. А мой день? Мой день продолжался. Скорее всего, дальше я отправлюсь выполнять свои обязанности репетитора. Они длятся до десяти вечера. Затем я пойду в библиотеку или компьютерный класс, чтобы закончить домашние задания, отчеты, или просто побродить по интернету. С тех пор как А Вэнь уехал, я больше не оставался в лаборатории Стива для самостоятельных занятий. Боялся, что там случайно вспомню колеблющиеся огни на парковке Восточного университета. Те огни раскачивались так сильно, что как я мог сосредоточиться там на учебе?

Лишь после полуночи я, подобно усталому кроту, осторожно забирался в свою временную нору, прятался в самом темном углу и проваливался в глубокий сон. Но мой день всё равно продолжался. Продолжался во сне. Во сне я наконец видел отца, он раскрывал объятия, ожидая, когда я скачусь с горки. Но во сне я не упускал Хуэя. То он был в белоснежной полицейской форме, то сменял её на униформу Китайского корпуса. Его лицо тоже часто становилось размытым, всё меньше походя на того человека, с которым я, держась за руки, разъезжал на велосипеде по улицам Пекина. Иногда оно становилось настолько нечетким, что его было невозможно узнать. И хотя узнать его было нельзя, я всё равно видел ту улыбку — как у шестнадцати-семнадцатилетнего подростка, словно я видел её только вчера.

Погодите, дайте мне вспомнить. Это лицо — я точно его видел. В том шумном Китайском корпусе. На широком берегу реки Гурон. За толпой встречающих в аэропорту Детройта. Он улыбается и идет ко мне. Его голос звучит радостно: — Брат Дун, ты помнишь историю о стране лилипутов? Угадай, каким способом я разбил яйцо? — Я был поражен. С каких пор во сне Хуэй перестал называть меня Лань? Почему он называет меня Брат Дун? Неужели это уже не Хуэй? Тогда кто это может быть? Эта мысль задержалась в моей голове лишь на мгновение, и я тут же прогнал её. Как такое возможно? Столько лет... Кроме Хуэя и отца, никто больше не приходил в мои абсурдные и скучные сны. Хотя они абсурдны и скучны, я не хотел просыпаться. Ведь стоило мне проснуться, как я чувствовал всё большее одиночество. В конце концов, я человек, у которого больше нет дома.

Юй Цзяхуэй прибыла в США двадцатого сентября. На целых две недели позже начала семестра. По дороге из аэропорта в университет она рассказала, что в день моего отъезда из Пекина она не получила визу. А когда наконец получила её две недели назад, с билетами возникли сложности. Она всё время оправдывалась, будто её опоздание было великим оскорблением для меня. Это было явным преувеличением. Она доставила мне разве что небольшие неудобства — я заранее подготовил для неё жилье, но не мог сообщить хозяевам точную дату её приезда, из-за чего немного потерял в их глазах. Но я слышал, что её извинения искренни. И решил не говорить ей, что ради спасения своего авторитета, а еще больше — ради спасения той комнаты, я оплатил две недели аренды впустую.

Я впервые слышал, как она говорит: её голос был нежным и мелодичным. Хотя акцент провинций к югу от Янцзы был едва заметен, в каждой фразе он придавал её речи особую мягкость. Содержание её речи казалось слегка затянутым, с оттенком жеманства. Девушки из тех краев, должно быть, все такие. Дацзи. Я ни с того ни с сего вспомнил ту очаровательную соблазнительницу из Легенды о богах. Я уже давно не помнил, как выглядела Дацзи в сериале,

но теперь был еще больше уверен: Цзяхуэй совершенно на неё не похожа. Она не столь ослепительна и, кажется, совсем не расчетлива. Я почувствовал, что она начинает мне нравиться. Подумав так, я внезапно ощутил угрызения совести перед собственной памятью. Но разве моя память не всегда была ненадежной? И как я мог быть виноват перед этой ненадежной памятью, которую всегда ненавидел? Я быстро успокоился. Мне определенно не был противен её голос, хотя содержание её слов мне было не особо интересно.

Я машинально вытащил кассету и вставил в магнитоу. Тут же зазвучала ленивая песня. Я не особо люблю музыку, все эти кассеты остались в машине от А Вэня, и с тех пор как он уехал, я здесь ничего не перебирал. В этой машине всё осталось так, как было. Цзяхуэй тут же притихла, прикусила губу и сосредоточенно уставилась на магнитоу, словно видела, как внутри скрывается певица, покачивающая бедрами. Впервые я видел, чтобы кто-то так внимательно слушал музыку в машине. Тем более после тринадцатичасового перелета в совершенно незнакомую страну. Однако она всё же дослушала песню до конца. Затем подняла длинные ресницы и, посмотрев на меня, произнесла:

— Какая прекрасная песня! Тебе очень нравится Ван Фэй?

— Не часто слушаю, — ответил я, стараясь отговориться.

Я поспешно перевел взгляд на дорогу. Будто шоссе внезапно стало оживленным и мне нужно было сосредоточиться, чтобы безопасно вести эту старую Тойоту.

— Но мне нравится её песня «Ты счастлив, поэтому я счастлив».

Не знаю, зачем я вдруг добавил это. Может, потому, что машина как раз проезжала над рекой Гурон. Я поспешно выключил магнитоу. Я правда боялся, что эта песня вдруг заиграет сейчас, когда старая Тойота летит над рекой Гурон.

— Почему ты её выключил?

— Машина слишком старая, двигатель так шумит, что слушать музыку утомительно.

Я понимал удивление Цзяхуэй, но не мог простить себе это объяснение. Думаю, мой поступок был странным и неловким.

— Да, её песни лучше слушать в спокойной обстановке, когда всё вокруг чисто и свежо! Кажется, ты настоящий меломан! — Она даже попыталась меня оправдать, хоть и вышло это неестественно.

— Аэропорт еще далеко, ты, наверное, устал после такой долгой дороги? — спросила она.

В её глазах сквозила забота. Я слышал такие вежливые фразы и раньше, но такой взгляд встречал нечасто. Необъяснимо, но я почувствовал себя неловко. К счастью, мы уже вернулись в кампус и были близки к жилью, которое я для неё подготовил. Это была семья китайских студентов: муж учился в докторантуре на биологическом факультете Мичиганского университета, а жена работала лаборантом в лаборатории одного из профессоров медицинского факультета. Говорили, что до приезда в США они оба были лечащими врачами в известных шанхайских больницах. Теперь же, в зрелом возрасте, они снова стали студентами.

Когда я пришел смотреть квартиру в первый раз, то услышал, что у них остался сын-школьник, который живет в Китае с бабушкой и дедушкой. Они снимали двухкомнатную квартиру.

<http://bllate.org/book/21154/2144371>